

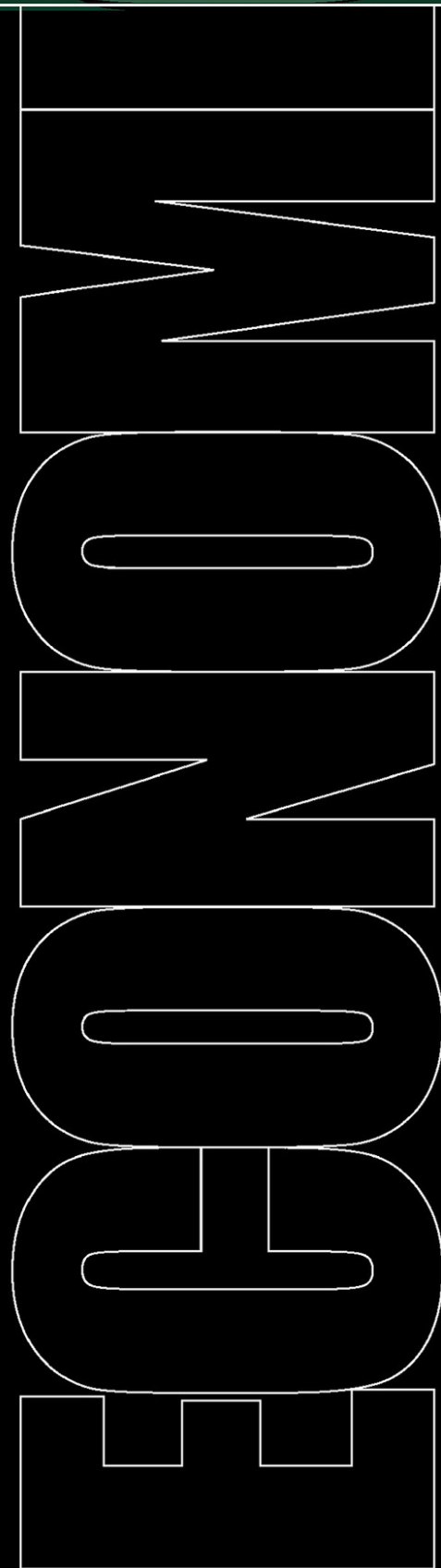
**АВСТРИЙСКАЯ
ШКОЛА**

22
выпуск

Мюррей РОТБАРД

ВЛАСТЬ И РЫНОК

государство
и экономика

Австрийская школа

Мюррей Ротбард

**Власть и рынок:
Государство и экономика**

«Интермедиатор»

1970

УДК 338.242.4.0
ББК 65.011

Ротбард М.

Власть и рынок: Государство и экономика / М. Ротбард —
«Интермедиатор», 1970 — (Австрийская школа)

ISBN 978-5-91603-652-7

Книга «Власть и рынок» представляет собой исчерпывающий анализ всех разновидностей вмешательства государства в экономику. Мюррей Ротбард исследует 86 наиболее распространенных типов государственных функций. Особый интерес представляет анализ распространения бремени налогообложения. Идеи, сформулированные в книге, породили волну приватизации в США в 1980-х гг., движение против налогов и движение в поддержку частных органов охраны порядка. Многие темы этой книги были восприняты и получили дальнейшее развитие в теории общественного выбора. Первоначально предполагалось, что книга «Власть и рынок» станет частью всеобъемлющего трактата по экономической теории «Man, Economy, and State». Он должен был содержать экономический анализ экономики Робинзона Крузо, свободного рынка и насильственного вмешательства (главным образом со стороны государства). По различным причинам в опубликованный вариант той книги экономический анализ государственного вмешательства удалось включить только в сжатом и усеченном виде. Представленный в данной книге подробный анализ насильственного вмешательства в экономику заполняет пробел, долгое время существовавший в экономической теории.

УДК 338.242.4.0
ББК 65.011

ISBN 978-5-91603-652-7

© Ротбард М., 1970
© Интермедиатор, 1970

Содержание

К читателю	6
Предисловие	7
Глава I Услуги защиты на свободном рынке	9
Глава II Принципы вмешательства	15
2.1. Типы вмешательства	15
2.2. Прямые последствия государственного вмешательства	18
2.2.1. Вмешательство и конфликт	18
2.2.2. Демократия и принцип добровольности	20
2.2.3. Полезность и сопротивление агрессии	21
2.2.4. Зависть	22
2.2.5. Полезность ex post	22
Глава III Трехстороннее вмешательство	26
3.1. Регулирование цен	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мюррей Ротбард

Власть и рынок: государство и экономика

К читателю

Уважаемый читатель!

Скорее всего эта книга – ваша первая встреча с идеями австрийской экономической школы. Уверен, вы не будете разочарованы! Перед вами откроется захватывающий мир стройной системы экономического, социального и политического анализа – обществоведения в подлинном смысле этого слова.

Представителей австрийской школы отличает систематичность, последовательность и интеллектуальная смелость. И здесь большинство современных «австрийцев» равняются на Мюррея Ротбарда, в работах которого эти качества проявляются в концентрированном виде.

В книге «Власть и рынок» автор проанализировал экономические последствия более 80 мер государственного регулирования, причем половина книги посвящена исследованию искажений, порождаемых налогообложением и государственными расходами.

Понимание последствий вмешательства государства в экономику как никогда актуально для нашей страны. Споры о благотворности или, напротив, пагубности вмешательства государства в экономику, похоже, остались в прошлом: тенденция неконтролируемой экспансии госрегулирования видна невооруженным глазом. За последние годы мы стали свидетелями абсурдного усиления антимонопольных органов, провала подобной же затеи экологического контроля, набирает силу очередная волна протекционизма и регулирования цен...

В этих условиях книга Ротбарда задает неподвижные ориентиры, позволяющие сохранить трезвость мышления, противопоставив «административному восторгу» регуляторов несокрушимую логику экономического анализа.

Долгое время эта книга была доступна только в электронной форме на сайте издательства. Теперь можно будет дарить друзьям бумажное издание, а не ограничиваться отправкой ссылок по электронной почте.

*Николай Дёмкин
генеральный директор ОАО «ПЗСП»,
город Пермь*

Предисловие

Первоначально предполагалось, что эта книга станет частью всеобъемлющего трактата по экономической теории, написанного мной несколько лет назад¹. Трактат должен был содержать экономический анализ экономики Робинзона Крузо, свободного рынка и насильственного вмешательства (главным образом со стороны государства). По различным причинам в опубликованный вариант той книги экономический анализ государственного вмешательства удалось включить только в сжатом и усеченном виде. Представленный в данной книге подробный анализ насильственного вмешательства в экономику заполняет пробел, долгое время существовавший в экономической теории.

Кроме того, в этой книге обсуждается тема, которую в опубликованном варианте «*Man, Economy and State*» автор вынужден был обойти молчанием: роль защитных агентств в экономике, устроенной на принципах свободного рынка. Вопрос о том, как в такой экономике будет обеспечиваться соблюдение прав личности и права собственности, защиты их от насильственных посягательств, в предыдущей книге не рассматривался. В ходе анализа просто предполагалось, что в условиях свободного рынка никто не посягает на личность и собственность других людей. Очевидно, что необходимо дать ответ на вопрос, как в полностью свободном обществе будет решаться проблема защиты личности и собственности от насильственного посягательства.

Практически все экономисты априорно предполагают, что свободный рынок просто *не способен* предоставлять услуги по защите прав и принудительному соблюдению законов, и поэтому для обеспечения защитных услуг над рынком должна господствовать та или иная форма монопольного государственного вмешательства и агрессии. В отличие от этого в гл. 1 настоящей книги доказывается, что, как и любые другие услуги, услуги по защите прав и принудительному исполнению законов могут поставляться свободным рынком, и, следовательно, даже в этой области нет никакой нужды в действиях государства. Таким образом, впервые экономический анализ деятельности государства приводит к выводу, что не существует таких товаров и услуг, для предоставления и производства которых требуется существование государства. Соответственно, само существование налогообложения и государственного бюджета рассматривается как акт вмешательства в функционирование свободного рынка и исследуются последствия этого вида вмешательства. Часть экономического анализа налогообложения в гл. 4 посвящена подробной критике концепции «справедливого» налогообложения, где утверждается, что прежде чем неkritично развивать эту концепцию, следует задаться вопросом, насколько обоснованно существование самого налогообложения. Показано, что поиск налога, «нейтрального» к рынку, также является безнадежной химерой.

Кроме того, в книге предлагается типология государственного вмешательства, классифицирующая различные формы последнего как аутичные, двухсторонние или трехсторонние. При анализе трехстороннего вмешательства в гл. 3 особое внимание уделяется роли государства как источника монопольных, или монополистических, привилегий и многие виды вмешательства, которые прежде не рассматривались как предоставление монополии, исследуются с этой точки зрения.

Много места уделяется критике предложенного Генри Джорджем «единого налога» на земельную ренту. Хотя, на мой взгляд, эта доктрина полностью ошибочна, джорджисты правы, когда утверждают, что в современных работах их важные утверждения и аргументы никогда не упоминаются и тем более никем не опровергнуты, но тем не менее во многих текстах

---

¹ Rothbard M. N. *Man, Economy and State*. 2 vols. Van Nostrand, 1962.

джорджистские концепции молчаливо используются. Теория джорджистского налога слишком долго ждала детальной критики.

Не так давно такие экономисты, как Энтони Даунс, Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок (среди них много представителей чикагской школы), применили экономический анализ к деятельности государства и демократии. Но, с моей точки зрения, они выбрали совершенно неверное направление, рассматривая государство просто как один из видов социальной деятельности, имеющий много сходства с деятельностью на свободном рынке. Таким образом, авторы этой школы уподобляют друг другу действие государства и рынка, не видя между ними почти никакой разницы. Я придерживаюсь противоположной точки зрения, поскольку считаю, что действия государственных органов и добровольные действия на рынке диаметрально противоположны: первые необходимо предполагают насилие, агрессию и эксплуатацию, а последние являются необходимо гармоничными, мирными и взаимовыгодными для всех. Точно так же, в отличие от преобладающего в большинстве публикаций неявного или открытого наивного прославления достоинств демократического правления, обсуждение демократии в гл. 5 представляет собой критику ошибок теории демократии.

Я полагаю, что, предлагая различные меры экономической политики, экономисты должны явно формулировать и обсуждать свои этические концепции, а не вставлять их *ad hoc** и безо всякого обоснования в свои аргументы, как это зачастую делается. Гл. 6 посвящена детальному обсуждению различных критических аргументов, часто выдвигаемых против экономики свободного рынка и свободного общества. Хотя я считаю, что все, включая экономистов, должны основывать предлагаемые меры экономической политики на определенной этической системе, обсуждение в гл. 6 ведется в рамках *Wertfrei*** праксиологической схемы и ограничивается строго логической критикой антирыночной этики, без апелляции какой-либо альтернативной системе политической этики. Последнее я надеюсь сделать в будущем.

Книга носит в основном теоретический характер. Я не пытался перечислять конкретные институциональные примеры государственного вмешательства, поскольку это потребовало бы нескольких томов.

Мюррей Н. Ротбард

Нью-Йорк

Июль 1969 г.

Глава I Услуги защиты на свободном рынке

Экономисты бесчисленное число раз говорили и продолжают говорить о «свободном рынке», общественной системе добровольных обменов товарами и услугами. Но, несмотря на изобилие обращений к данному понятию, в своем анализе они пренебрегают более глубокими выводами из анализа свободного обмена. Так, обычно игнорируется тот факт, что свободный обмен *подразумевает* обмен титулов (прав) собственности на имущество и что, следовательно, экономист обязан исследовать условия и природу имущественной собственности, которая существовала бы в свободном обществе. Если свободное общество означает мир, в котором никто не посягает на личность и не покушается на собственность других, то это подразумевает общество, в котором каждый человек имеет безусловное право собственности на самого себя и на ранее никому не принадлежавшие природные ресурсы, которые он находит, преобразует посредством собственного труда и затем передает другим или обменивается с ними². Безусловное право собственности на самого себя и на ресурсы, которые человек находит, преобразовывает и передает или обменивает, ведет к структуре собственности, которая обнаруживается в капитализме, основанном на свободном рынке. Поэтому экономист не может полностью проанализировать структуру обменов на свободном рынке, не изложив теорию прав собственности или справедливости в отношении собственности, которая должна существовать в обществе со свободным рынком.

В нашем анализе свободного рынка в книге «Человек, экономика и государство» мы предполагали, что на нем не происходит никакого посягательства на чужую собственность – либо потому, что каждый добровольно воздерживается от такого нападения, либо потому, что, какой бы метод насильственной защиты ни существовал на свободном рынке, он оказывается достаточным для предотвращения любой подобной агрессии. Однако экономисты почти неизменно парадоксальным образом предполагают, что свобода рынка должна поддерживаться с помощью агрессивных и несвободных действий, – короче говоря, посредством государственных органов и нерыночных отношений.

Предложение защитных услуг на свободном рынке означало бы соблюдение аксиомы свободного общества, а именно отсутствие использования физического насилия, исключая случаи *защиты* от тех, кто использует силу для посягательства на личность или собственность. Это подразумевало бы полное отсутствие государственного аппарата или правительства, ибо государство, в отличие от других лиц и институтов общества, приобретает свои доходы не благодаря свободно заключаемым сделкам, а через систему одностороннего принуждения, называемую «налогообложением». Защита в свободном обществе (включая такие услуги защиты личности и собственности, как охрана с помощью полиции и судебные приговоры) должна была бы, следовательно, предоставляться людьми или фирмами, которые (а) получали бы свой доход от добровольных клиентов, а не посредством принуждения и (б) не присваивали бы себе – как это делает государство – принудительной монополии полицейской или судебной защиты. Только такое – либертарианское – предоставление защитных услуг было бы совместимо со свободным рынком и свободным обществом. Таким образом, защитные фирмы должны были бы быть такими же свободно конкурентными и ненасильственными по отношению к тем, кто не нарушает права личности или собственности, как и прочие поставщики товаров и услуг на свободном рынке. Услуги защиты, подобно всем другим услугам, продавались бы на рынке и предоставлялись бы только таким способом.

---

² См: Rothbard M. N. Man, Economy and State.

Те экономисты и прочие люди, которые придерживаются философии *laissez faire*³, полагают, что должна поддерживаться свобода рынка и не должны нарушаться права собственности. Тем не менее они твердо убеждены в том, что услуги защиты *не могут* предоставляться рынком, и в том, что защита от посягательства на собственность должна, следовательно, обеспечиваться за границами свободного рынка – посредством принудительной силы государства. Утверждая это, они впадают в неразрешимое противоречие, поскольку санкционируют и пропагандируют массированное посягательство на собственность той самой организацией (государством), которая, как предполагается, должна защищать людей от такого посягательства! Ибо правительство, исповедующее *laissez faire*, обязательно должно было бы извлекать свои доходы с помощью посягательства на собственность, называемого налогообложением, и присвоило бы себе принудительную монополию защитных услуг на некоторой произвольно определенной территории. Теоретики *laissez faire* (к которым в этом присоединяются почти все прочие авторы) пытаются избавить свою позицию от этого бросающегося в глаза противоречия посредством утверждения, согласно которому защита, осуществляемая на основе рыночных принципов, *не могла бы* существовать и что, следовательно, те, кто высоко ценит принудительную защиту от насилия, должны были бы прибегнуть к государству (несмотря на его ужасающую историческую репутацию как самого значительного инструмента насилия) как к необходимому злу для защиты прав личности и собственности.

Приверженцы *laissez faire* предлагают несколько возражений против идеи защиты, осуществляемой на принципах свободного рынка. Одно возражение сводится к тому, что поскольку свободный рынок обменов предполагает систему прав собственности, постольку государство необходимо для определения и распределения структуры таких прав. Однако мы видели, что принципы свободного общества *действительно* заключают в себе вполне определенную теорию прав собственности, а именно собственности на самого себя и природные ресурсы, найденные и преобразованные чьими-либо усилиями. Поэтому ни государство, ни иная подобная организация, противоположная рынку, не нужны для распределения прав собственности. Это может и будет достигаться путем использования разума и через посредство самих рыночных процессов; любое другое распределение и определение были бы совершенно произвольными и противоречащими принципам свободного общества.

Аналогичная доктрина утверждает, что защита должна предоставляться государством вследствие уникального статуса защиты как необходимого предварительного условия деятельности рынка, как функции, без которой рыночная экономика не могла бы существовать. Тем не менее данный аргумент является аргументом *non sequitur*⁴, который заходит слишком далеко. Рассмотрение товаров и услуг в терминах их больших *классов* (групп) было ошибкой экономистов классической школы; напротив, современная экономическая теория показала, что услуги должны рассматриваться в терминах *предельных единиц продукции*, ибо все действия на рынке предельны (маржинальны). Если мы начинаем рассматривать целые классы вместо предельных единиц, то мы можем обнаружить несметное число нужных, жизненно необходимых товаров и услуг, которые могли бы считаться «предварительными условиями» рыночной деятельности. Разве не являются жизненно необходимыми для каждого участника рынка земельный участок, или пища, или одежда, или кров? Может ли рынок существовать без них долгое время? А как насчет писчей бумаги, которая стала основным необходимым условием функционирования рынка в сложной современной экономике? Должны ли поэтому все эти товары и услуги поставляться государством, и только государством?

Сторонник *laissez faire* также предполагает, что в обществе должна существовать единственная принудительная монополия насилия и принятия решений, что должен быть, напри-

³ Политика невмешательства государства в экономику; свободная конкуренция (франц.). – Прим. пер.

⁴ Не следует (лат.); здесь: нелогичное заключение. – Прим. ред.

мер, один Верховный суд для вынесения окончательных и неоспоримых решений. Но он не осознает, что на протяжении всей своей истории мир жил без единственного конечного субъекта, принимающего решения для всей его заселенной поверхности. Аргентинец, например, живет в состоянии «анархии», отсутствия правительства относительно гражданина Уругвая или Цейлона. И тем не менее частные граждане этих и других стран живут и торгуют друг с другом, не вступая в неразрешимые юридические конфликты, вопреки отсутствию общего правительства. Аргентинец, который считает, что он подвергся агрессии со стороны, например, цейлонца, приносит свою жалобу в аргентинский суд, и решение последнего признается цейлонскими судами – и наоборот, если обиженной стороной является цейлонец. Хотя и верно то, что отдельные национальные государства бесконечно воюют друг с другом, но частным гражданам разных стран, несмотря на сильно различающиеся юридические системы, удается жить вместе в гармонии без одного общего для них правительства. Если жители севера американского штата Монтана и канадцы, живущие по ту сторону Саскачевана, могут жить и торговать друг с другом без общего правительства, то так же могут жить и жители севера и юга Монтаны. Короче говоря, сегодняшние границы между государствами являются чисто историческими и произвольными, и необходимость в монопольном правительственном контроле над гражданами одной страны не больше, чем необходимость в едином правительстве для граждан двух разных стран.

В данном случае мы видим определенный парадокс. Казалось бы, сторонники *laissez faire* должны быть горячими приверженцами одного объединенного мирового правительства – чтобы никто не жил в состоянии «анархии» относительно кого-либо другого. На самом деле они почти никогда не являются таковыми. Если признается, что единое мировое правительство *не* является необходимым, то где логический критерий остановки тезиса о необходимости существования отдельных государств? Если Канада и Соединенные Штаты могут быть отдельными странами без того, чтобы их обвиняли в том, что они пребывают в состоянии недопустимой «анархии», почему Юг не может отделиться от Соединенных Штатов? Штат Нью-Йорк от США? Город Нью-Йорк от штата? Почему не может отделиться Манхэттен? Каждый район? Каждый квартал? Каждый дом? Каждый человек? Но, разумеется, если каждый человек может отделиться от правительства, то мы фактически приходим к совершенно свободному обществу, в котором защита предоставляется вместе с другими услугами свободным рынком и в котором экспансионистское государство перестает существовать.

Роль свободно конкурирующих судебных корпораций в истории Запада была в действительности гораздо более важной, чем это часто считается. Торговое право, морское право и многие положения общего права начали разрабатываться конкурирующими частными судьями, к которым обращались за экспертизой тяжущиеся стороны для достижения взаимопонимания по затронутым юридическим вопросам⁵. На ярмарках в Шампани и в огромных центрах международной торговли в Средние века действовали свободно конкурирующие суды, и люди становились постоянными клиентами тех судов, которые они считали самыми справедливыми и квалифицированными.

Рассмотрим подробнее, как может выглядеть система защиты, построенная на принципах свободного рынка соответствующих услуг. Прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что конкретные особенности рынка любого товара предсказать невозможно. Пятьдесят лет назад никто не смог бы предсказать, какой будет структура сегодняшней телеиндустрии. Однако мы можем выделить принципиальные свойства системы полицейских и судебных услуг, предоставляемых на конкурентной основе свободным рынком. Скорее всего такие услуги будут потребляться посредством предварительной подписки с периодическими взно-

⁵ См.: *Leoni B. Freedom and the Law*. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1961. См. также: *Rothbard M. N. On Freedom and the Law* // *New Individualist Review*. 1962. Winter. P. 37–40.

сами и предоставлением услуг по требованию клиента. Понятно, что в таких условиях на этом рынке появится множество конкурентов, каждый из которых будет стремиться завоевать долю рынка, оказывая услуги таким образом, чтобы это максимизировало его репутацию, основанную на неподкупности. Конечно, возможно, что в некоторых районах одно какое-нибудь агентство победило бы в конкурентной борьбе все остальные, но это не представляется вероятным, если мы примем во внимание, что не существует территориальной монополии и что эффективные фирмы были бы в состоянии открывать свои отделения в других регионах. Представляется вероятным также, что полицейские и судебные услуги оказывались бы страховыми компаниями, потому что сокращение количества преступлений больше всего было бы выгодно именно им.

Одно распространенное возражение против осуществимости предоставляемой рынком защиты (вопрос о ее *желательности* здесь не рассматривается) заключается в следующем. Предположим, что Джонс подписывается на услуги защитного агентства *X*, а Смит подписывается на услуги защитного агентства *Y*. (Для удобства мы будем предполагать, что защитное агентство включает в себя полицейский отряд и суд или суды, хотя очень возможно, что на практике эти две функции выполнялись бы разными фирмами.) Смит утверждает, что на него напал или его ограбил Джонс. Джонс отрицает обвинение. Как в таком случае должно отправляться правосудие?

Очевидно, Смит подаст заявление с обвинением в адрес Джонса и возбудит судебное дело в судебной системе *Y*. Джонса приглашают для защиты себя от обвинений, хотя здесь и не может быть полномочий на принудительный вызов в суд, поскольку насилие любого вида, применяемое против человека, еще не осужденного за совершение преступления, само по себе является агрессией и преступным деянием, не совместимым со свободным обществом, существование которого мы с самого начала постулируем. Если Джонс признан невиновным или если он признан виновным и соглашается с вынесенным приговором, то в этом случае не существует проблемы, и судьи *Y* назначают соответствующие меры наказания⁶. Однако что произойдет, если Джонс будет оспаривать приговор? В этом случае он может либо направить дело в свою судебную систему *X*, либо передать его прямо в какой-либо из конкурирующих частных апелляционных судов, которые, несомненно, в изобилии появятся на рынке для удовлетворения огромной потребности в таких судах. Возможно, будет существовать лишь несколько апелляционных судов, в числе гораздо меньшем, чем количество первичных судов, и каждый из нижестоящих судов будет отрекомендовываться своим клиентам как член именно тех систем апелляционных судов, которые хорошо известны своей эффективностью и неподкупностью. Решение апелляционного суда может в таком случае быть принято обществом как имеющее обязательную силу. Действительно, в основном кодексе законов свободного общества, возможно, должна быть статья, в соответствии с которой решение любых двух судов будет рассматриваться как имеющее обязательную силу, т. е. имелся бы пункт, благодаря которому суд был бы в состоянии принимать меры против стороны, признанной виновной⁷.

⁶ Предположим, что Смит, убежденный в виновности Джонса, «берет закон в свои руки», а не следует судебной процедуре. Что тогда? Само по себе это будет законно и не будет наказываться как преступление, так как никакой суд или агентство в свободном обществе не может иметь права использовать для защиты силу, выходящую за границы того же права каждого индивида. Однако в этом случае Смит столкнется с последствиями встречного иска и судебного разбирательства со стороны Джонса, и в том случае, если Джонс будет признан невиновным, Смит будет наказан как преступник.

⁷ Кодекс законов совершенно свободного общества будет просто оберегать либертарианскую аксиому: запрещение любого насилия против личности или собственности другого человека (кроме случаев защиты личности или собственности); собственность при этом определяется как собственность на себя и владение ресурсами, которые человек нашел, трансформировал или купил или получил после подобной трансформации. Задача Кодекса – выразить в явном виде то, что подразумевается этой аксиомой (например, либертарианские разделы торгового права или обычного права будут включены, а этатистские наросты – отброшены). Затем Кодекс будет применяться судьями, действующими по законам свободного рынка, которые все будут давать клятву следовать этому Кодексу.

Любая юридическая система нуждается в некоей социально согласованной точке прерывания, точке, в которой заканчивается судебная процедура и начинается наказание осужденного преступника. Однако нет необходимости в навязывании единственного монопольного суда, принимающего окончательные решения, и его, конечно, не может быть в свободном обществе; и либертарианский кодекс законов вполне мог бы иметь точку прерывания на основе решений двух судов, поскольку всегда наличествуют две спорящие стороны, истец и ответчик.

Другое распространенное возражение против работоспособности защиты на основе свободного рынка: разве не может одно или более защитных агентств направить свою принудительную власть на криминальные цели? Короче говоря, разве не может частное полицейское агентство использовать свою силу для агрессии против других или разве не может частный суд тайно сговориться для принятия обманных или мошеннических решений и таким образом проводить агрессивные действия против своих клиентов и потерпевших? Весьма широко распространена точка зрения, согласно которой те, кто постулирует безгосударственное общество, также достаточно наивны, чтобы верить, что в таком обществе все люди были бы «хорошими» и никто не захотел бы проявлять агрессию в отношении других. Нет необходимости предполагать любое подобное чудесное изменение человеческой природы. Конечно, некоторые из частных защитных агентств станут криминальными, точно так же, как некоторые люди становятся преступниками и сейчас. Однако главное заключается в том, что в безгосударственном обществе не было бы постоянного *легализованного* источника (канала) преступлений и агрессии, никакого государственного аппарата, контроль за которым предоставляет гарантированную монополию на посягательства против личности и собственности. В том случае, когда существует государство, действительно существует такой встроенный канал, а именно принудительная власть налогообложения и обязательная монополия насильственной защиты. В обществе, полностью устроенном на принципах свободного рынка, предполагаемая криминальная полиция или судебная корпорация обнаружили бы, что захватить власть очень трудно, поскольку там не было бы организованного государственного аппарата, которым можно завладеть и использовать как средство господства. Создать такое средство *de novo*⁸ очень трудно и, на самом деле, почти невозможно; исторически правителям потребовались столетия для создания работоспособного государственного аппарата. Кроме того, полностью основанное на свободном рынке, безгосударственное общество содержало бы внутри себя систему встроенных «сдержек и противовесов», которая делала бы почти невозможным успех такого организованного преступления. Идет много разговоров о «сдержках и противовесах» в американской системе, но они вряд ли вообще могут считаться сдержками, так как каждый из таких институтов является органом центрального правительства и в конечном счете – правящей партии этого правительства. «Сдержки и противовесы» в безгосударственном обществе заключаются именно в самом *свободном рынке*, т. е. наличии свободно конкурирующих полицейских и судебных агентств, которые легко можно было бы мобилизовать для прекращения деятельности любого незаконного агентства.

Это верно, что не может быть полной гарантии того, что чисто рыночное общество не станет жертвой организованной преступности. Однако это понятие гораздо более работоспособно, чем *поистине* утопическая идея строго ограниченного правительства – идея, которая никогда не работала в истории. И понятно почему, ибо встроенная монополия государства на агрессию и присущее ему отсутствие сдержек свободного рынка позволяет государству легко разрывать любые сдерживающие ограничения, которые пытаются на него наложить люди с хорошими намерениями. В конце концов самое худшее, что могло бы произойти, – это восстановление государства. И поскольку государство – это то, что мы имеем *сейчас*, постольку любое экспе-

⁸ Заново (лат.). – Прим. ред.

риментирование с безгосударственным обществом не приведет ни к каким потерям, но даст все выгоды.

Многие экономисты возражают против предоставляемой рынком защиты на том основании, что защита относится к категории так называемых коллективных благ, которые могут предоставляться только государством. Эта ошибочная теория опровергнута в другом месте⁹. Двое из весьма немногочисленных экономистов, которые допускают возможность чисто рыночной защиты, написали: «Тогда, если бы индивидуумы хотели платить достаточно высокую цену, защита, общее образование, отдых, армия, военно-морской флот, полицейские управления, школы и парки могли бы предоставляться посредством частной инициативы, так же как продовольствие, одежда и автомобили»¹⁰.

На самом деле Хантер и Аллен сильно недооценивают степень применимости частной деятельности при предоставлении этих услуг, так как обязательная монополия, извлекающая свои доходы благодаря скорее возведенному в закон принуждению, чем добровольным платежам клиентов, обречена на то, чтобы быть несравненно менее эффективной, чем предоставление указанных услуг свободно конкурирующими частными предприятиями. Заплаченной «ценой» была бы скорее огромная выгода для общества и потребителей, чем навязанные дополнительные издержки.

Таким образом, подлинно свободный рынок абсолютно несовместим с наличием государства – института, позволяющего себе «защищать» личность и собственность при одновременном собственном существовании за счет одностороннего насилия над частной собственностью, именуемого «налогообложением». На свободном рынке защита от насилия была бы такой же услугой, как и любая другая, которую можно получить от свободно конкурирующих частных организаций. Какие бы проблемы ни оставались в этой области, они легко могли бы быть решены на практике в ходе рыночного процесса, того самого процесса, который решил бесчисленные и гораздо более запутанные организационные проблемы. Те сторонники *laissez faire* – экономисты и писатели, прошлые и нынешние, – которые внезапно останавливаются на невероятно утопическом идеале «ограниченного» правительства, впадают в серьезное внутреннее противоречие. Это противоречие идеологии *laissez faire* ясно показал британский политический философ Оберон Герберт: «*A* должен заставлять *B* сотрудничать с ним, либо *B* должен заставлять *A*; однако в любом случае сотрудничество не может быть гарантировано, как нам говорят, если в течение всего времени одна сторона не будет заставлять другую сторону образовывать государство. Очень хорошо; но в таком случае что стало с нашей системой индивидуализма? *A* сумел схватить *B*, или *B* – *A*, и принудил его участвовать в системе, которую тот не одобряет, выжимает из него услуги и платежи, которые он не желает предоставлять, фактически стал его хозяином – что это, как не социализм в уменьшенном масштабе?... В таком случае, будучи убежденным в том, что мнение каждого индивидуума, который не проявляет агрессии в отношении своих соседей, является верховным по отношению к его действиям и это – тот фундамент, на котором зиждется индивидуализм, я отрицаю то, что *A* и *B* могут пойти к *C* и заставить его сформировать государство и извлекать из него определенные платежи и услуги во имя такого государства; и я продолжаю утверждать, что если вы действуете таким образом, то вы в то же время оправдываете государственный социализм»¹¹.

⁹ См.: Rothbard. Man, Economy and State. P. 883–886.

¹⁰ Hunter M. H., Allen H. K. Principles of Public Finance. N. Y.: Harper & Bros., 1940. P. 22.

¹¹ Herbert A., Levy J. H. Taxation and Anarchism. London: The Personal Right Association, 1912. P. 2–3.

Глава II Принципы вмешательства

2.1. Типы вмешательства

До сих пор мы рассматривали свободное общество и свободный рынок, на котором любая необходимая защита от насильственного посягательства на личность или собственность предоставляется не государством, а свободно конкурирующими, продающими свои услуги на рынке защитными агентствами. Однако главная задача этой книги – анализ последствий различных типов насильственного вмешательства в общественную жизнь и особенно – в деятельность рынка. Большинство наших примеров будет относиться к государству, поскольку государство является единственной в своем роде организацией, занимающейся упорядоченным насилием в крупном масштабе. Тем не менее наш анализ применим во всех тех случаях, когда какой-либо индивидум или группа совершают насильственное посягательство. Является ли посягательство «законным» или нет, нас не интересует, так как мы занимаемся прагматическим, а не юридическим анализом.

Один из лучших образцов исследования различий между государством и рынком принадлежит Францу Оппенгеймеру. Он указал, что существует два фундаментальных способа удовлетворения потребностей человека: (1) посредством производства и добровольного обмена с другими людьми на рынке и (2) посредством насильственной экспроприации материальных ценностей у других людей¹². Первый метод Оппенгеймер назвал «экономическим способом» удовлетворения потребностей; второй метод – «политическим способом». Государство язвительно определяется как «организация политических способов»¹³.

Необходим общий термин для обозначения индивидума или группы, которые совершают захватническое насилие в обществе. Мы можем назвать *интервентом* [intervener], или *агрессором* [invader], того, кто насильственно вмешивается в свободные общественные или рыночные отношения. Данный термин применим к любому индивидуму или группе, которые прибегают к насильственному вмешательству в свободные действия личностей и владельцев собственности.

Какие виды вмешательства может осуществлять агрессор? В общих чертах мы можем различать три категории. Во-первых, агрессор может приказывать отдельному субъекту делать или не делать определенные вещи, и эти действия прямо затрагивают личность данного индивидума или *только* его собственность. Говоря иначе, агрессор ограничивает использование субъектом его собственности, в то время как за этим не следует никакой обмен. Это может быть названо *аутичным вмешательством*, ибо любой конкретный приказ прямо затрагивает здесь только самого субъекта. Во-вторых, интервент может навязать *принудительный обмен* между отдельным субъектом и собой или принудительный «подарок» себе от субъекта. В-третьих, агрессор может вынудить или запретить обмен между *парой* субъектов. Первая (из двух последних) ситуация может быть названа *двухсторонним вмешательством* (интервенцией),

---

¹² Человек может получить подарок, но это одностороннее действие дарителя, не подразумевающее действия со стороны получателя.

¹³ «Существует два фундаментально противоположных способа, которыми человек, нуждаясь в средствах к существованию, способен получить необходимые средства для удовлетворения своих желаний: труд и грабеж. Собственный труд и насильственное присвоение труда других... Я предлагаю... назвать собственный труд и эквивалентный обмен собственного труда на труд других «экономическим способом» удовлетворения потребностей, а вознаграждаемое присвоение труда других можно назвать «политическим способом»... Государство – это организация политического способа» (Oppenheimer F. The State. N. Y.: Vanguard Press, 1914. P. 24–27. См. также: Nock A. J. Our Enemy, The State. Caldwell, Idaho: Caxton Printers, 1946. P. 59–62; Chodorov F. The Economics of Society, Government and State. Mimeographed MS. N. Y., 1946. P. 64 ff.) О постоянной тенденции государства к завоеванию см.: Ibid. P. 13–16, 111–117, 136–140.

поскольку между двумя людьми (интервентом и субъектом) устанавливается отношение гегемонии; вторая ситуация может быть названа *трехсторонним вмешательством*, так как гегемоническое отношение создается между агрессором и *парой* реальных или предполагаемых участников обмена. Рынок, каким бы сложным он ни был, состоит из ряда обменов между парами индивидуумов. Какими бы обширными ни были интервенции, они могут быть разложены на единичные воздействия либо на отдельных субъектов, либо на пары отдельных субъектов.

Все эти типы вмешательства являются, конечно, различными вариантами *гегемонического* отношения – отношения приказа и подчинения, – как противоположные договорным отношениям с добровольной взаимной выгодой.

Аутичное вмешательство происходит в том случае, когда агрессор принуждает субъекта, не получая в обмен никакого товара или услуги. Радикально различающимися типами аутичного вмешательства являются: убийство, словесное оскорбление, угроза физическим насилием, принудительное навязывание или запрещение любого отдания чести, свободы слова или религиозного обряда. Даже если интервентом оказывается государство, которое издает некий указ, касающийся всех индивидуумов в обществе, то такой указ тем не менее *по своей природе* является аутичным вмешательством, поскольку силовые линии исходят от государства к каждому индивидууму в отдельности. Двухстороннее вмешательство имеет место тогда, когда агрессор заставляет субъекта совершить обмен или сделать односторонний «подарок» – некоторый товар или услугу – агрессору. Примерами двухстороннего вмешательства являются грабеж на большой дороге и налоги, а также воинская повинность и обязательное отправление функций присяжного заседателя¹⁴. В действительности не имеет большого значения, является ли двухстороннее гегемоническое отношение принудительным «подарком» или принудительным обменом. Единственное различие заключается в типе используемого принуждения. Рабство, безусловно, обычно является принудительным *обменом*, так как рабовладелец должен предоставлять своим рабам средства к существованию.

Странно, что авторы работ по политической экономии признают вмешательством только третью категорию¹⁵. Понятно, что озабоченность каталлактическими¹⁶ проблемами заставляет экономистов не обращать внимания на более широкую праксиологическую категорию деятельности, включающую те из них, которые лежат вне отношений денежного обмена. Тем не менее они являются частью предмета праксиологии и должны подвергаться анализу. Гораздо менее извинительным является пренебрежение экономистами *двухсторонним* видом вмешательства. Многие из тех экономистов, которые открыто заявляют, что они являются защитниками свободного рынка и противниками препятствования его деятельности, вместе с тем обладают странно узким взглядом на свободу, и вмешательство. Действия двухстороннего вмешательства такие как воинская повинность и обложение доходов налогами, совсем не считаются вмешательством и не считаются препятствиями функционированию свободного рынка. Только отдельные случаи трехстороннего вмешательства, такие, как регулирование цен, признаются вмешательством. Разрабатываются странные схемы, в которых рынок считается абсолютно «свободным» и не испытывающим препятствий, несмотря на принудительное налоговое обложение. Однако налоги (и призыв на военную службу) оплачиваются деньгами и, таким образом, связаны с каталлактическими, так же как и с более широкими праксиологическими отношениями¹⁷.

¹⁴ В Англии, например, каждый дееспособный гражданин обязан периодически работать в качестве члена суда присяжных. – *Прим. пер.*

¹⁵ Это не выражено явно, но следует из их работ. Насколько нам известно, никто систематически не выделял и не анализировал типы вмешательства.

¹⁶ Связанными с экономическими обменами. – *Прим. пер.*

¹⁷ Для наших дней характерен узкий взгляд на «свободу». «Левая» часть политического спектра современной Америки

При рассмотрении результатов вмешательства необходимо заботиться о том, чтобы проанализировать все его последствия, прямые и косвенные. В пределах объема, отведенного для данной книги, невозможно отследить все результаты осуществления каждой из почти бесконечного числа возможных разновидностей вмешательства, но можно провести удовлетворительный анализ важных категорий вмешательства и последствий каждой из них. Поэтому следует помнить, что акты двухстороннего вмешательства имеют определенные трехсторонние отражения: подоходный налог изменит характер обменов между субъектами по сравнению с тем, каким последний был бы в противном случае. Кроме того, должны быть рассмотрены все последствия акта; недостаточно заниматься анализом, например, налогообложения лишь с точки зрения «частичного равновесия» и рассматривать налог совершенно отдельно от того факта, что государство впоследствии тратит налоговые деньги.

часто защищает свободу от аутичного вмешательства, но хорошо относится к трехстороннему вмешательству. «Правые», наоборот, резко возражают против трехстороннего вмешательства, но одобряют аутичное вмешательство либо безразличны к нему. И у тех, и у других наличествует двойственное отношение к двухстороннему вмешательству.

2.2. Прямые последствия государственного вмешательства

2.2.1. Вмешательство и конфликт

Мы начнем с сопоставления прямого влияния вмешательства на полезность участников и положение дел в свободном обществе. Действуя свободно, люди всегда стремятся к максимизации полезности так, как они ее понимают, т. е. к первоочередной реализации предпочтений, занимающих самое высокое место на их шкале ценности. Можно утверждать, что их полезность *ex ante*¹⁸ будет максимизироваться (естественно, мы исходим из порядковой, а не количественной природы полезности). На свободном рынке или, шире, в свободном обществе любое действие или обмен совершаются потому, что обе стороны ожидают получить выгоду. Если мы решим использовать термин «общество» для обозначения совокупности *всех* индивидуальных актов обмена, то сможем сказать, что свободный рынок «максимизирует» социальную полезность, поскольку все участники обмена выигрывают в полезности. Нужно только помнить, что общество – это лишь совокупность людей и что оно не имеет независимого бытия.

С другой стороны, *сам по себе* факт принуждающего вмешательства означает, что принуждаемый индивид или индивиды не будут делать того, что они делали бы в отсутствие принуждения. Человек, которого принуждают что-либо сказать или, напротив, чего-то не произносить, вступить с кем-либо в отношения обмена или, напротив, воздержаться от этого, – такой человек меняет действия под угрозой насилия. Изменяя свои действия под воздействием принуждения, он получает меньшую полезность. Любое вмешательство, будь то аутичное, двухстороннее или трехстороннее, ведет к потере полезности. В случае аутичного или двухстороннего вмешательства каждый индивид теряет в полезности; в случае трехстороннего вмешательства теряет в полезности по крайней мере один, а иногда и оба участника обмена.

Кто в таком случае увеличивает полезность *ex ante*. Очевидно, интервент – тот, кто осуществляет вмешательство; ведь в противном случае он не стал бы вмешиваться. Либо, как в случае двухстороннего вмешательства, он приобретает прямую материальную выгоду в форме товаров, которые являются объектом вмешательства, либо он получает удовлетворение от самого факта навязывания [своих] правил другим, как в случае аутичного или трехстороннего вмешательства.

В отличие от свободного рынка при всяком вмешательстве одна группа людей выигрывает *за счет* другой группы. В случае двухстороннего вмешательства выгоды и потери «материальны», поскольку речь идет об участвующих в обмене товарах и услугах. В случае других видов вмешательства выгода выражается в нерыночном [nonexchangeable] удовлетворении, а ущерб заключается в принуждении к видам деятельности, приносящим меньшее удовлетворение (или даже в прямом смысле болезненным).

До появления экономической науки люди считали, что рынок и обмен ведут к выигрышу одной стороны за счет другой. Именно такое понимание лежало в основе меркантилистского представления о рынке. Экономическая теория показала, что это заблуждение, поскольку на рынке выигрывают *оба* участника обмена. А это означает, что на рынке невозможна такая вещь, как *эксплуатация*. Но тезис о конфликте интересов верен, когда в дела рынка вмешивается государство или любой другой орган, потому что интервент может получить выгоду только за счет объектов вмешательства, которые теряют в полезности. На рынке царит гармония. Вмешательство сразу ведет к возникновению конфликтов, потому что каждый может участвовать

¹⁸ Ожидаемая (лат.). – Прим. ред.

в драке за то, чтобы остаться в нетто-выигрыше и не понести нетто-потерь, т. е. чтобы быть в команде тех, кто вмешивается, а не среди жертв.

Стало модным говорить, что «консерваторы» вроде Джона С. Кэлхауна «предвосхитили» марксистскую доктрину классово́й эксплуатации. Но марксистская доктрина ошибочно утверждает, что на свободном рынке существуют классы, пребывающие в состоянии борьбы и конфликта. Идея Кэлхауна была почти прямо противоположной. С его точки зрения, вмешательство государства *само по себе* порождало «классы» и конфликты¹⁹. Для него это было особенно очевидным в случае двухстороннего вмешательства – системы *налогообложения*. Для него было несомненным, что, если налоговые поступления расходуются, значит, некоторые граждане являются нетто-плательщиками налогов, а другие – нетто-получателями. Последних Кэлхаун назвал «правлящим классом» эксплуататоров, а первых – «управляемыми», или эксплуатируемыми, и это различие совершенно обоснованно. Вот образец даваемого Кэлхауном блестящего анализа:

«При всей своей малочисленности государственные служащие и правительственные чиновники образуют ту часть общества, которая является исключительным получателем собираемых налогов. Все собранные налоговые суммы, за вычетом потерь, достаются им в форме расходов или выплат. Это и составляет фискальную деятельность государства – оно собирает налоги и тратит их. Здесь жесткая связь. То, что государство изымает у общества под названием налогов, передается получателям под названием государственных выплат. Но поскольку эти выплаты достаются только части общества, фискальный процесс неодинаково влияет на тех, кто платит налоги, и тех, кто получает собранные средства. Иначе и быть не может. Альтернативой было бы возвращать каждому в виде выплат то, что он отдал в виде налогов, но это сделало бы весь процесс бесцельным и абсурдным...

Отсюда с необходимостью следует, что часть граждан отдает в виде налогов больше, чем получает в виде государственных выплат, а другая – получает последних больше, чем платит налогов. Ясно, что если учитывать все стадии фискального процесса, то для той части общества, которая больше получает в виде выплат, чем отдает в виде налогов, налоги являются благом, а для всех остальных, которые выплачивают больше, чем получают, это действительно налоги, т. е. бремя, а не благо. Это неизбежный результат. Он является (если рассматривать обе его части) следствием самой природы процесса, независимо от того, насколько равномерно распределены налоговые платежи...

Неизбежным результатом асимметричности фискальной деятельности государства является разделение общества на два больших класса: на тех, кто в действительности платит налоги и тем самым содержит государство, и всех остальных, кто, получая выплаты из собранных средств, содержится государством. Иными словами, общество разделяется на тех, кто платит налоги, и тех, кто живет за счет налогов.

В результате у них формируется антагонистическое отношение к фискальным действиям государства. Чем больше налоги и государственные выплаты, тем больше выигрыш одних и значительнее потери других, и наоборот...»²⁰.

Деление на «правителей» и «управляемых» возникает и при всех других формах государственного вмешательства, но Кэлхаун был совершенно прав, сосредоточивая внимание именно на налогах и фискальной политике, потому что именно налоги дают государству средства, необ-

¹⁹ Здесь лучше использовать термин «касты», а не «классы». Класс – это набор любых предметов или лиц, обладающих общим свойством. Конфликт между ними не обязателен. Разве класс людей по фамилии Джонс обязательно должен быть в конфликте с теми, кто имеет фамилию Смит? С другой стороны, *касты* — это группы, созданные государством, и каждая со своим набором привилегий и обязанностей, установленных при помощи насилия. Конфликт между кастами неизбежен, потому что одни созданы как раз для того, чтобы править другими.

²⁰ *Calhoun J. C. A Disquisition on Government*. N. Y.: Liberal Arts Press, 1953. P. 16–18. Кэлхаун, однако, не понимал, что свободный рынок отличает гармония интересов.

ходимые для осуществления всего бесчисленного множества актов государственного вмешательства.

Основой всех форм государственного вмешательства является двухстороннее вмешательство в виде сбора налогов. Даже если бы государство ничего не предпринимало кроме этого, налогообложение все равно имело бы место. Поскольку термин «социальный» приложим только к каждому отдельному человеку, составляющему общество, то ясно, что если свободный рынок максимизирует социальную полезность, то ни одно действие государства не может достичь этого результата. Итак, свободный рынок – это мир гармонии и взаимной выгоды, а государственное вмешательство – это мир кастовых конфликтов, принуждения и эксплуатации.

2.2.2. Демократия и принцип добровольности

Могут возразить, что все эти формы вмешательства на самом деле не принудительны, а «добровольны», потому что в демократическом обществе они получают поддержку большинства населения. Но поддержка эта обычно пассивна, смиренна и апатична. В ней нет энергии самовыражения, и это так при любом государственном устройстве, не только демократическом²¹.

В условиях демократии вряд ли можно сказать, что правители получают поддержку тех, кто не участвует в голосовании или голосует за оппозицию. Но даже проголосовавшие за победителей могли так поступить, выбирая «наименьшее из двух зол». Любопытный вопрос: а почему вообще надо голосовать за *какое-либо* «зло»? Когда люди действуют по собственной инициативе или когда они делают покупки на свободном рынке, они не используют таких терминов. Никто не думает о новом холодильнике или костюме как о «зле» – большем или меньшем. То, что человек купил, он считает безусловным «добром». Здесь нет и намека на пассивное принятие какого-либо «зла». Дело в том, что у публики никогда не бывает возможности проголосовать за или против государства как такового. Они уже внутри системы, в которой они неизбежно будут подвергаться принуждению.

В любом случае, как мы сказали, можно было бы считать, что *все* государства опираются на поддержку большинства, как демократические, так и нет: ни одно из них не в состоянии длительное время осуществлять принуждение при стойком сопротивлении большинства. Однако поддержка может осуществляться просто в силу апатии, возможно из-за покорной веры в то, что государство – это хоть и не самое приятное, но совершенно обязательное явление природы. Вспомните лозунг: «Единственное, чего нельзя избежать в этом мире – это смерть и налоги».

Впрочем, даже представив себе, что некое государство опирается на горячую поддержку большинства, мы ничего не сможем утверждать о добровольности этого образования. Ведь большинство – это еще не все общество; большинство – это далеко не каждый. Принуждение, осуществляемое большинством по отношению к меньшинству, остается принуждением.

Идут века, поколения сменяют друг друга, а государства существуют. Это заставляет сделать вывод, согласно которому любое государство поддерживается большинством, по крайней мере пассивно, поскольку никакое меньшинство не смогло бы долго удерживать власть наперекор активному враждебному большинству. *Поэтому* в известном смысле *любая* тирания,

---

²¹ По язвительному замечанию профессора Линдси Роджерса об общественном мнении, «до того, как в 1939 г. в Британии была введена всеобщая воинская повинность, только 39 % избирателей были за нее. Через неделю после принятия этого закона опрос показал, что уже 58 % граждан одобряют обязательный призыв в вооруженные силы. В Соединенных Штатах опросы также часто показывают, что как только политика становится законом в силу решения Конгресса или президента, отношение публики к вопросу делается куда более благоприятным» (Rogers L. 'The Mind of America' to the Fourth Decimal Place // The Reporter. 1955. June 30. P. 44).

независимо от формы государственной власти, – это тирания большинства^{22, 23}. Но это не отменяет вывода, к которому мы пришли в результате исследования. Конфликт и принуждение – неперенные спутники государства. Конфликт и принуждение присутствуют независимо от того, каково численное соотношение между принуждающими и принуждаемыми²⁴.

2.2.3. Полезность и сопротивление агрессии

В ответ на наше сравнение различного влияния, которое оказывают на благосостояние свободный рынок и государство, могут возразить, что, когда наличие защитных агентств удерживает агрессора от посягательства на чужую собственность, владелец собственности получает выигрыш за счет *потери полезности* потенциальным агрессором. Поскольку на свободном рынке соблюдение прав собственности обеспечивают частные защитные структуры, разве нельзя сказать, что свободный рынок *так же*, как государственное вмешательство, предполагает выигрыш за счет других (даже если эти другие являются агрессорами)?

Прежде всего отметим, что свободный рынок – это общество, в котором все обмены совершаются добровольно. Представим себе мир, в котором никто не нарушает личных и имущественных прав других. Тогда понятно, что на свободном рынке достигается максимальная полезность для всех участников. Защитные агентства оказываются нужны только для защиты от нападения на свободный рынок. И именно агрессор, а не *существование* защитного агентства причиняет ущерб окружающим. Защитное агентство, существующее в отсутствие агрессора, будет представлять собой просто добровольные меры страхования от возможного нападения. Существование защитного агентства *не* нарушает принцип максимизации полезности и совпадает с принципом взаимной выгоды всех участников. Конфликт возникает только вместе с агрессором. Агрессор совершает нападение, скажем, на Смита, причиняя ему ущерб. На помощь Смигу приходит защитное агентство, разумеется, причиняя ущерб полезности агрессора. Но ведь оно это делает только для того, чтобы воспрепятствовать нанесению ущерба Смигу. Оно *помогает* максимизировать полезность для всех, не участвующих в преступной деятельности. Принцип *конфликта* и потеря полезности возникли не в результате существования защитного агентства, а только в силу существования агрессора. Поэтому остается верным то, что на свободном рынке каждому обеспечивается максимизация полезности, а конфликт и эксплуатация человека человеком существуют в той мере, в какой в обществе присутствует агрессивное [invasive] вмешательство.

²² Часто утверждают, что при «современном» состоянии военной техники и т. п. меньшинство *может* постоянно осуществлять тиранию над большинством. При этом игнорируется тот факт, что большинство может быть вооруженным или что доверенные лица меньшинства могут поднять мятеж. Не часто встретишь понимание абсурдности распространенной сегодня идеи, что, например, несколько миллионов в состоянии действительно тиранически властвовать над несколькими сотнями миллионов *активно* сопротивляющихся граждан. По глубокому замечанию Давида Юма, «ничто не кажется более удивительным... чем легкость, с которой многие покоряются немногим, и та естественная покорность, с которой люди в угоду правителям отказываются от собственных чувств и стремлений. Пытаясь выяснить, каким образом может существовать это чудо, мы обнаруживаем, что, поскольку сила всегда на стороне управляемых, значит, правители могут опереться только на мнение. Итак, именно мнение есть то, на что опирается власть правительств, и это правило распространяется даже на самые деспотические и военизированные правительства...» (Hume D. Essays, Literary, Moral and Political. London, n. d. P. 23. См. также La Boetie E. de. Anti-Dictator. N. Y.: Columbia University Press, 1942. P. 8–9). С анализом типов общественного мнения, которые поощряются государством для получения массовой поддержки населения, можно познакомиться в: Jouvenel B. de. On Power. N. Y.: Viking Press, 1949.

²³ Этот анализ опоры на большинство применим к любому случаю длительного организованного вмешательства, осуществляемого открыто и публично, даже если проводящая его группа и не называет себя «государством».

²⁴ См.: Calhoun. Op. cit. P. 14, 18–19, 22–33.

2.2.4. Зависть

Еще одно возражение заключается в том, что свободный рынок на деле не обеспечивает роста полезности для всех, потому что некоторые люди могут быть в такой степени поражены завистью к успеху других, что у них полезность уменьшается. Но дело в том, что мы не можем иметь дело с гипотетической полезностью, оторванной от конкретных действий. В рамках *праксиологического* анализа мы можем заниматься только полезностями, которые можно дедуцировать из конкретного поведения людей²⁵. «Зависть», не нашедшая воплощения в действии, с точки зрения праксиологии становится чистой фантазией. Здесь мы можем знать лишь то, что этот человек был участником свободного рынка и благодаря этому получил соответствующую выгоду. О его переживаниях в связи с обменами других мы можем узнать, только если он совершит акт агрессии. Даже если он опубликует памфлет, осуждающий эти обмены, для нас это не будет железным доказательством того, что это не шутка или намеренная ложь.

2.2.5. Полезность *ex post*

Мы убедились, что на свободном рынке люди максимизируют ожидаемую (*ex ante*) полезность и что агрессор получает выигрыш в полезности за счет потери полезности его жертвами. Но что можно сказать о реализованной (*ex post*) полезности? Принимая решения, люди *рассчитывают* на выгоду, но действительно ли они получают ожидаемую выгоду? Остальная часть этой книги посвящена анализу того, что можно назвать «косвенными» последствиями работы рынка или вторжения в функционирование рынка (в дополнение к проведенному выше анализу прямых последствий). Мы рассмотрим цепочки причинно-следственных связей, которые недоступны непосредственному восприятию и могут быть выявлены только в ходе аналитического исследования.

На пути от замысла (*ex ante*) к реализации (*ex post*) всегда случаются ошибки, но свободный рынок устроен так, что ошибки сводятся к минимуму. Прежде всего, существует очень быстрый и безошибочный тест, показывающий, удастся ли предпринимателю или получателю дохода удовлетворить желания потребителя. В случае предпринимателя, который несет основное бремя адаптации экономики при изменении желаний потребителей, этот тест действует быстро и безошибочно – прибыль или убытки. Большая прибыль говорит о том, что он на верном пути, убытки свидетельствуют о неверном выборе направления. Таким образом, прибыли и убытки подстегивают процесс подстройки к изменениям потребительского спроса. Одновременно они выполняют функцию перемещения денег из рук неудачливых предпринимателей в руки успешных. Тот факт, что успешные предприниматели процветают и увеличивают капитал, а бездарные удаляются с рынка, обеспечивает гладкость приспособления рынка к меняющимся условиям. Сходным образом, хотя и в меньшей степени, земля и труд в соответствии с желаниями их собственников перемещаются туда, где они получают более высокий доход и более производительные факторы получают более высокое вознаграждение.

Потребители на рынке также принимают на себя предпринимательский риск. Многие критики рынка, подчеркивая *компетентность* капиталистов-предпринимателей, оплакивают невежество потребителей, из-за которого последние *ex post* не получают той пользы, на которую рассчитывали *ex ante*. Вот типичный пример. Уэсли К. Митчелл озаглавил одно из своих знаменитых эссе следующим образом: «Устаревшие способы расходования денег». Профессор Мизес обратил внимание на парадоксальность позиций многих «прогрессистов», которые

---

²⁵ В другом месте мы назвали эту концепцию «продемонстрированным предпочтением», проследили ее историю и дали критику соперничающих концепций (см.: Rothbard M. N. Toward a Reconstruction of Utility and Welfare Economics // Sennholz M., ed. On Freedom and Free Enterprise. Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1956. P. 224 ff.).

настаивают на том, что потребители слишком невежественны и необразованны, чтобы разумно выбирать товары, но одновременно восхваляют достоинства демократии, где тем же самым людям доверено выбирать политиков, о которых они ничего не знают, и принимать конкретные политические решения по вопросам, в которых они ничего не смыслят.

На деле верно совершенно обратное. Потребители, конечно, не всеведущи, но у них есть прямые критерии, с помощью которых они приобретают знание. Они покупают какой-нибудь готовый завтрак, и если он им не нравится, то они больше никогда его не покупают. Они покупают определенную модель автомобиля, и если она им нравится, то и впредь они будут выбирать автомобили этой фирмы. В обоих случаях они делятся приобретенным опытом с друзьями. Существуют также исследовательские организации обществ потребителей, которые регулярно информируют публику о достоинствах и недостатках различных товаров. Но во всех случаях у потребителей есть прямые критерии, направляющие их поведение. Так что фирма, успешно удовлетворяющая запросы потребителей, процветает и расширяется, а та, что не способна на это, вынуждена уходить с рынка.

С другой стороны, участие в выборах политиков и формирование решений государства – это совсем иное дело. Здесь не существует прямых критериев успеха или неудачи – нет ни прибылей, ни убытков, ни потребительского удовлетворения, ни неудовлетворенности. Чтобы глубоко понять последствия – особенно косвенные – государственных решений, необходимо разобраться в длинной цепочке праксиологических рассуждений, подобных развиваемым в данной книге. Очень немногие способны заинтересоваться таким анализом или имеют подготовку, позволяющую его осуществлять, особенно, как отмечал Шумпетер, когда речь идет о политических вопросах. Ведь в политических вопросах незначительность влияния, оказываемого одним человеком на исход дела, а также кажущаяся отдаленность результатов действий может вызвать у людей утрату интереса к проблемам или аргументам²⁶. Не имея прямого критерия успеха и неудачи, избиратель склонен голосовать не за тех политиков, которые предлагают наиболее эффективную политику, а за тех, кто лучше «продает» свою пропаганду. Без логического анализа средний избиратель никогда не сможет выявить ошибки, совершаемые правителями. Представим, что государство пошло на инфляционную эмиссию денег, которая ведет к неизбежному росту цен. Государство может обвинить в росте цен бесчестных спекулянтов и других участников «черного» рынка и, если публика не знакома с основами экономической теории, она не поймет лживости этих обвинений.

Есть ирония в том, что те самые авторы, которых раздражают хитрости и уловки рекламы, не направляют стрелы своей критики в организаторов политических кампаний, где их обвинения были бы действительно уместны. Как отмечает Шумпетер, «так, портрет красивейшей из девушек на обертке в конечном счете не сможет поддержать на неизменном уровне продажу плохих сигарет. В области политических решений столь же эффективных средств защиты нет. Многие решения жизненной важности носят такой характер, что общество не может позволить себе на досуге поразмыслить и поэкспериментировать с ними. Даже если это оказывается возможным, суждение не так просто вынести, как в случае с сигаретами, потому что здесь не так просто оценить последствия»²⁷.

Могут возразить, что хотя средний избиратель не имеет подготовки, необходимой для праксиологического анализа политики, он, как это принято и в любом частном деле, может нанять экспертов – политиков и чиновников, которые и возьмут на себя принятие решений. Но дело-то как раз в том, что государственное управление – это не рынок, и здесь у человека нет прямых личных критериев, которые бы позволяли ему судить об успешности действий наня-

²⁶ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 342–345. См. также: Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // Journal of Political Economy. 1957. April. P. 135–150.

²⁷ Шумпетер Й. Указ. соч. С. 348.

тых им экспертов. На рынке человек прислушивается к тем экспертам, чьи советы оказались наиболее успешными. На свободном рынке хорошие врачи или юристы получают вознаграждение, а плохие – нет; процветание специалиста, нанятого частным образом, пропорционально его профессиональным достоинствам. В области государственной политики нет прямой возможности оценить успешность действий специалистов. В силу этого избиратель не в состоянии оценить *компетентность* человека, за которого он должен голосовать. Особенно сложно приходится избирателям в современных условиях, когда все кандидаты держатся единого мнения по всем важным вопросам. В конце концов, когда речь идет о конкретном вопросе, избиратель может, если у него есть желание и способности, разобраться в деле и принять решение. Но что может даже самый умный избиратель знать о действительном уровне *компетентности*, или квалификации, отдельных кандидатов, особенно если им не приходится занимать позицию по принципиально важным вопросам? Тогда избирателю приходится полагаться только на внешнюю оболочку, «упаковку» личности и имидж кандидатов. В итоге, голосование за политиков оказывается еще менее рациональным, чем массовое голосование по конкретным политическим вопросам.

Более того, внутренние особенности самого государства обуславливают неверный отбор экспертов и должностных лиц. Ведь доходы политиков и всего государства зависят не от услуг, добровольно покупаемых на рынке, а от принудительного налогообложения населения. В силу этого у государственных деятелей отсутствует материальная заинтересованность в том, чтобы наиболее адекватным и компетентным образом выполнять свои служебные обязанности. И что еще важнее, в сфере государственного управления и на рынке используются различные критерии «соответствия». На рынке главное – это способность оказывать услуги потребителям; в сфере политики главное – это умение прибегать к насилию и демагогическими приемами завоевывать симпатии публики.

Есть еще одно важное различие между рынком и политическими выборами: отдельный избиратель, к примеру, обладает только $1/50$ -миллионной долей влияния на выбор руководителя страны, который – вполне бесконтрольно – будет принимать жизненно важные решения вплоть до следующих выборов. Зато на рынке человек обладает абсолютно суверенной властью принимать решения, касающиеся своей личной жизни и собственности. На рынке в ходе принятия абсолютных решений в отношении своей собственности человек постоянно демонстрирует свой выбор – он покупает или воздерживается от покупки, продает или не делает этого. Избиратель, голосующий за определенного кандидата, демонстрирует только свои относительные предпочтения по поводу одного или двух других потенциальных правителей и вынужден делать это в рамках принудительного правила, согласно которому *ты* можешь и вовсе не голосовать, но один из этих людей *непременно* будет руководить страной в течение следующих нескольких лет²⁸.

Итак, свободный рынок располагает эффективным механизмом превращения ожидаемой (*ex ante*) полезности в реализованную (*ex post*). Свободный рынок всегда максимизирует также и социальную полезность *ex ante*. В политической жизни, напротив, подобный механизм отсутствует. Особенность политического процесса состоит в том, что любые ожидаемые выгоды реализуются с задержкой и в меньшем объеме. Более того, расхождение между выигрышем *ex post*, получаемым посредством государственного вмешательства и в условиях свободного рынка, еще глубже. Нам предстоит убедиться в том, что в каждом случае государственного вмешательства *косвенные* последствия бывают таковы, что многие из сторонников первоначального вмешательства начинают горько жалеть о том, что когда-то одобряли эту политику.

Итак, свободный рынок создает выгоды для каждого участника и максимизирует социальную полезность не только *ex ante*, но и *ex post*, так как действует в направлении реализации

²⁸ Подробнее об этом см.: Rothbard. Man, Economy, and State. P. 773–776.

ожиданий. В случае государственного вмешательства одна группа выигрывает исключительно за счет другой, так что увеличения социальной полезности не происходит. Достижение целей скорее блокируется, чем обеспечивается. А косвенные последствия, как мы увидим, таковы, что многие участники вмешательства теряют в полезности *ex post*. Эта книга посвящена главным образом анализу косвенных последствий различных форм государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Глава III Трехстороннее вмешательство

В соответствии с данным выше определением трехстороннее вмешательство имеет место, когда агрессор принуждает пару людей осуществить обмен или запрещает им это. Так, интервент может совсем запретить продажу определенного товара или запретить продавать его по цене ниже (либо выше) установленного уровня. Можно выделить два вида трехстороннего вмешательства: *регулирование цен*, определяющее условия обмена, и *регулирование производства*, направленное на товар или производителя. Регулирование цен сказывается на производстве, а регулирование производства – на ценах, но два этих вида регулирования имеют разные последствия и легко могут быть изучены по отдельности.

3.1. Регулирование цен

Интервент может ограничить либо минимальную, либо максимальную цену – товар не должен продаваться по ценам ниже первой и выше второй. Он может также заставить продавать товар по фиксированной цене. При любом варианте регулирование цен может быть либо *эффективным*, либо *неэффективным*. Оно будет неэффективным, если не будет оказывать текущего влияния на рыночные цены. Представим, например, что все автомобили продаются на рынке по цене примерно 100 унций золота. Государство выпускает указ, запрещающий под страхом серьезного наказания продажу автомобилей по цене ниже 20 унций золота. При заданных условиях этот указ будет совершенно неэффективным, поскольку и без него ни один автомобиль не продается по цене ниже 20 унций. Все регулирование свелось только к бессмысленной деятельности чиновничьего аппарата.

Но регулирование цен может быть и эффективным, скажем, оно может изменять цену по сравнению с ценой, которая сложилась бы на свободном рынке. Рассмотрим график на рис. 1, где изображены кривые спроса и предложения (*SS* и *DD* соответственно) для некоего товара.

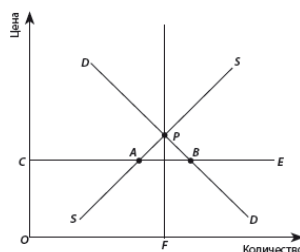

Рис. 1. Последствия установления потолка цен

FP — это цена равновесия, установленная рынком. Теперь предположим, что интервент ограничивает максимальную цену значением *OC*, и продажа по более высокой цене становится незаконной. При этой цене равновесие рынка нарушается и спрос на товар начинает превышать предложение на величину *AB*. В условиях возникшего дефицита потребители стремятся купить товар, который по этой цене отсутствует на рынке. Некоторым приходится обходиться без данного товара, другим — обращаться на рынок, возродившийся в виде «черного», или незаконного, рынка, уплачивая премию за риск наказания, которому теперь подвергаются продавцы. Главным видимым следствием установления потолка цен является очередь, бесконечное выстраивание в очередь за товаром, которого не хватит тем, кто стоит в хвосте очереди. Люди, стремящиеся заполучить дефицитные товары, прибегают к всевозможным ухищрениям: торговля «из-под прилавка», взятки продавцам, припрятывание товара для постоянных клиентов и т. п. — все это неперенные черты рынка, ограниченного потолком цен²⁹.

Следует отметить, что, даже если создан солидный запас товаров на будущее и кривая предложения вертикальна, все равно возникновение искусственного дефицита со всеми сопутствующими явлениями неизбежно. Чем «эластичней» предложение, т. е. чем больше ресурсов будет выведено из производства, тем, при прочих равных, сильнее будет дефицит. Если регулирование цен носит «избирательный» характер, т. е. затрагивает всего один товар или узкую группу товаров, искажение структуры экономики будет не столь выраженным, как при всеохватывающем регулировании. Но искусственный дефицит товаров в конкретных секторах

²⁹ Государственное регулирование экономики делает взятки распространенным явлением: взятка — это цена продажи чиновником разрешения на осуществление обмена.

будет ощущаться особенно болезненно, поскольку производственные мощности и другие факторы производства будут переключены на производство и продажу другой продукции (прежде всего субститутов). Когда «избыточный» спрос будет перенаправлен на субституты, цены на них поползут вверх. В свете этого факта типичные аргументы, используемые государствами для оправдания избирательного регулирования цен, – «мы должны регулировать цены на эти товары до тех пор, пока их производство недостаточно» – выглядят просто смехотворными, потому что реальная ситуация прямо противоположная: регулирование цен *создает* искусственный дефицит товаров, и он сохранится *ровно до тех пор*, пока цены будут регулироваться. На самом деле дефицит будет усугубляться по мере того, как ресурсы будут перемещаться в производство других товаров.

Прежде чем продолжить анализ последствий общего регулирования максимального уровня цен, посмотрим, к чему приводит ограничение *минимума* цены, т. е. фиксирование цены на уровне, превышающем рыночный (рис. 2).

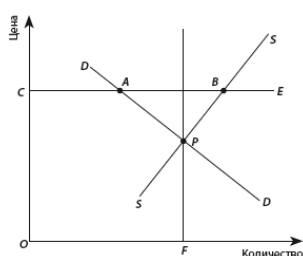

Рис. 2. Последствия ограничения минимума цены

DD и SS – это соответственно кривые спроса и предложения. OC – установленная законом минимальная цена, а FP – рыночная цена равновесия. При законодательно фиксированной цене спрос на товар меньше его предложения на величину AB . Если установление потолка цен создает искусственный дефицит, то ограничение минимальной цены порождает искусственный избыток. AB – это нераспроданный избыток. Нераспроданный избыток будет существовать, даже если кривая SS вертикальна, причем чем эластичней предложение, тем больше, при прочих равных, усугубляется ситуация с избытком товаров. Здесь также рынок не находится в равновесии. Искусственно высокая цена привлекает дополнительные производственные ресурсы, но одновременно отпугивает покупателей. В случае избирательного регулирования цен ресурсы будут уходить из других отраслей, где они приносят больше пользы своим владельцам и потребителям, и концентрироваться в отраслях, в которых это лишь усугубляет перепроизводство и убытки.

Приведенный рисунок иллюстрирует то, каким образом вмешательство сбивает работу рынка и создает убытки для предпринимателей. Предприниматели в своей деятельности ориентируются на определенные рыночные критерии – цены, процентные ставки и пр., установленные свободным рынком. Искажение этих критериев в результате вмешательства нарушает адаптацию, ведет к убыткам и неверному (относительно удовлетворения желаний потребителей) распределению производственных ресурсов.

Всеохватное регулирование максимальных цен всегда полностью искажает структуру экономики и лишает потребителей возможности обращения к субститутам. Утверждается, что предельно допустимые цены устанавливаются для предотвращения инфляции. Это происходит всякий раз, когда правительство осуществляет масштабную инфляцию, обесценивая имеющиеся денежные остатки. Введение потолков цен на все товары эквивалентно ограничению минимального значения покупательной способности денежной единицы, PPM (рис. 3).

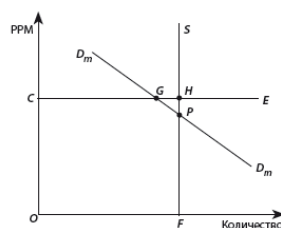

Рис. 3. Последствия установления потолка цен на все товары

Пусть OF – денежная масса; $D_m D_m$ – спрос на деньги; FP – устанавливаемая рынком равновесная покупательная способность денежной единицы (см. рис. 3). Устанавливаемый минимум величины покупательной способности денег (OC), превышающий рыночный уровень, разрушает уравнивающий механизм рынка. При значении покупательной способности, равной OC , денежная масса превышает спрос на деньги. В результате у людей образуется «нераспроданный избыток» денег GH . Они пытаются «продать» свои деньги путем покупки товаров, но не могут этого сделать. Их деньги «нейтрализованы». В той мере, в какой государству удастся поддерживать ограничения цен, часть принадлежащих населению денег оказывается бесполезной, потому что их не удастся обменять на товары. Возникает неизбежный ажиотаж, поскольку каждый пытается найти применение своим деньгам³⁰. В итоге общество получает очереди, взятки и т. п., а также давление в пользу возникновения «черного» рынка (т. е. *собственно* рынка) в качестве канала применения избытка денег.

Политика ограничения минимальных цен на все товары эквивалентна установлению *верхнего* предела покупательной способности денег. Возникает неудовлетворенный избыточный спрос на деньги, проявляющийся в форме нераспроданных запасов товаров во всех секторах экономики.

Последствия регулирования максимальной и минимальной величины цены одинаковы для *любых* цен, идет ли речь о потребительских товарах, инвестиционных товарах, земле, оплате труда или о «цене» денег, выраженной в других товарах. Возьмем, например, регулирование минимальной заработной платы. Когда закон о минимальной заработной плате эффективен, т. е. когда он навязывает заработную плату, превышающую рыночную ценность определенного вида труда (т. е. превышающую дисконтированную предельную производительность труда), спрос на трудовые услуги начинает отставать от предложения, и это «нераспроданное избыточное» предложение труда принимает форму *вынужденной массовой безработицы*. В отличие от общего выборочное ограничение минимальной заработной платы создает безработицу в отдельных отраслях, а приток рабочих рук, привлеченных более высокими ставками, консервирует эту ситуацию. В конце концов работникам придется согласиться на менее оплачиваемую работу. Кто бы в действительности ни установил эффективный минимум заработной платы – государство или профсоюзы, – результаты одинаковы.

Как блестяще показал Мизес, анализ последствий регулирования цен приложим и для регулирования цены («обменного курса») валют (одной валюты, выраженной в другой валюте)³¹. Частично это проявляется в законе Грэшема, но мало кто понял, что этот закон представляет собой просто частный случай последствий общего закона регулирования цен. Возможно, это непонимание было следствием вводящей в заблуждение формулировки закона Грэ-

³⁰ Любопытно, что уничтожение правительством части денег людей всегда следует за осуществлением значительной эмиссии денег для целей самого правительства. При этом правительство причиняет публике двойной ущерб: 1) сначала государственный спрос, обеспечиваемый инфляционной эмиссией денег, отнимает часть ресурсов, и 2) когда избыточные деньги доходят до людей, правительство уничтожает часть полезности денег.

³¹ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск.: Социум, 2005. С. 406 сн., 420–421, 439–440, 735–736.

шема, которая обычно звучит так: «Плохие деньги вытесняют из обращения хорошие деньги». В таком виде это звучит как парадокс, свидетельствующий о нарушении рыночных законов, в соответствии с которыми победа принадлежит более совершенным методам удовлетворения запросов потребителей. Даже сторонники свободного рынка использовали эту формулировку закона как оправдание государственной монополии в чеканке золотой и серебряной монеты. На самом деле закон Грэхема следовало бы формулировать так: «Деньги, переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, недооцененные государством». Когда государство произвольно определяет ценность одних денег в других деньгах, оно тем самым вводит эффективный нижний предел цен на одну валюту и верхний предел цен на другую (здесь «цена» – это курс обмена одной валюты в другую). Такова природа биметаллизма. При биметаллизме государство признавало денежным товаром и золото и серебро, но устанавливало принудительный курс (т. е. их цену). Если, что неизбежно, этот официальный обменный курс не совпадал с рыночным (а величина разрыва со временем только увеличивалась, потому что рыночные цены менялись, а официальный обменный курс оставался неизменным), одни деньги оказывались относительно переоцененными, а другие – недооцененными. Представим для наглядности, что роль денег в стране выполняют золото и серебро и государство установило обменный курс: 16 унций серебра за 1 унцию золота (возможно, в этот момент соответствующий рыночной цене). Из-за накопления изменений со временем рыночная цена меняется до 15: 1. Что произойдет в этом случае? Серебро окажется произвольно недооцененным государством, а золото будет переоценено. Иными словами, в соответствии с установленным государством обменным курсом покупательная способность серебра по отношению к золоту занижена, а золота по отношению к серебру – завышена. Таким образом, в соотношении золота и серебра государство ограничило максимальную цену серебра и минимальную цену золота.

Это ведет к тем же последствиям, что и любое эффективное регулирование цен. При установлении потолка цен на серебро (и нижнего предела цен на золото) спрос со стороны тех, кто хочет обменять золото на серебро превосходит спрос со стороны тех, кто хотел бы обменять серебро на золото. Происходит отток серебра в другую страну или в ту сферу, где оно может быть обменено на золото по цене свободного рынка. Золото, напротив, начинает притекать в страну. Если бы биметаллизм имел международный характер, тогда все серебро ушло бы на «черный» рынок и вся торговля шла бы только с участием золота. В силу этого ни одна страна не имеет возможности создать устойчивую систему биметаллизма, поскольку один металл непременно будет либо переоценен, либо недооценен относительно другого. И переоцененный металл всегда будет вытеснять из обращения недооцененный.

Государство может декретировать переход от металлических денег к неразменным бумажным деньгам, что, собственно, и сделали все государства мира. В результате каждая страна обзавелась собственными деньгами. На свободном рынке бумажные деньги будут обмениваться друг на друга в соответствии с колебаниями паритетов покупательной способности. Но представим, что государство установило произвольный курс обмена своей валюты X на валюту Y . Пусть на свободном валютном рынке 5 единиц валюты X обмениваются на одну единицу валюты Y . Теперь допустим, что правительство страны X решило сделать свою валюту более дорогой и установило курс $3X:1Y$. Что получится? Для валюты X были установлены нижний предел цены в валюте Y и потолок цен для валюты Y в валюте X . Все неизбежно ринутся обменивать деньги X на Y по низкой цене, чтобы получить прибыль по сравнению с обменным курсом свободного рынка. Возникает избыточный спрос на Y в обмен на X и избыточное предложение X в обмен на Y . Вот вам объяснение внешне загадочного «дефицита долларов», поразившего Европу после Второй мировой войны. Все европейские государства установили завышенный курс своих денег по отношению к доллару. В результате регулирования цен доллар оказался в дефиците при обмене на европейские валюты, а последние стали излишком и безуспешно пытались найти доллары.

Другим примером последствий валютного контроля является древняя проблема соотношения между новыми и изношенными монетами. Проблема возникла из-за обычая штамповать на монетах название, обозначающее ее вес. Стремясь к «простоте», государства постановили, что старые монеты имеют такую же ценность, как и новые того же номинала³². Предположим, что принят закон, по которому ценность новой серебряной монеты весом 20 унций должна равняться ценности изношенной монеты того же номинала, весящей 18 унций. Результаты будут такими же, как и в случае любой другой попытки регулировать цены. Государство произвольно недооценило новые монеты и переоценило старые. Новые оказались слишком дешевыми, а старые – слишком дорогими. В результате новые монеты немедленно исчезали из обращения. Они либо уходили в другие страны, либо оседали в кубышках. И наоборот, происходил наплыв старых изношенных монет. Это создавало трудности для государственных монетных дворов, поскольку, сколько бы новых монет они ни чеканили, они исчезали из обращения³³.

---

³² Одна из причин этого состоит, видимо, в том, что государственные монетные дворы, обладающие монополией, вместо того, чтобы снабжать потребителей теми монетами, которые были нужны последним, произвольно установили несколько номиналов, которые должны были чеканиться и обращаться. Именно поэтому более легкие монеты считались незаконными.

³³ Современным примером невозможности поддержания недооцененных монет в обращении является исчезновение серебряных долларов, полудолларов и других монет, обращавшихся в США в 1960-е гг. (См.: *Rickenbacker W. F. Wooden Nickels*. New Rochelle, N. Y.: Arlington House, 1966).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.